

С. И. МАЛОВИЧКО

НЕПОНИМАНИЕ КАК ФОРМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье обращено внимание на сосуществование академического и социально ориентированного типов исторического знания в первой половине XIX века на примере историографических дискуссий между «скептической школой» и ее противниками. Автор делает вывод о том, что формой сосуществования разных типов исторического знания стало взаимное непонимание. Понимание может обеспечить не позиция, стремящаяся к «исправлению» другого типа истории, а рефлексия на метауровне науки с точки зрения принципа *«признания чуждой одушевленности»*, актуализированного в проблемном поле источниковедения историографии.

Ключевые слова: *типы исторического знания, научная история, социально ориентированное историописание, М.Т. Каченовский, «скептическая школа», А.С. Лаппо-Данилевский, история как строгая наука.*

Начну статью с замечания, сделанного А.С. Лаппо-Данилевским при вступлении в действительные члены Академии наук (1900). Как отметил Е.А. Ростовцев, в черновике благодарственной речи Лаппо-Данилевский записал: это избрание «я объясняю про себя не столько вниманием к моим заслугам, конечно весьма скромным, сколько одобрением того ученого направления, к которому я принадлежу <...> Не пренебрегая лингвистикой, археологией, и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изображать не столько картины, сколько процессы и располагает материал не живописными группами, а эволюционными рядами...»¹.

Слова Лаппо-Данилевского напомнили мне мысль о сосуществовании двух разных «направлений» в историографии, высказанную известным киевским историком почти на тридцать лет ранее. Правда, автор говорил не о положении современного ему исторического знания (начала 1870-х гг.), а о первой половине XIX в., точнее о времени спора «скептической школы» с ее критиками. Однако к словам киевского историка я еще обращусь, пока же вернемся к сказанному Лаппо-Данилевским.

Его мысль примечательна тем, что включает в себе рефлексии о разных «направлениях» современного исторического знания, к одному из которых он причислял себя. Историк не указал их количество, но, думаю, не ошибусь, если предположу, что в данном случае он все-таки имел в

¹ Ростовцев. 2004. С. 142-143.

виду *два* «направления». Следующее уточнение касается самого понятия «направление». Конечно, Лаппо-Данилевский под «направлением» понимал не то, что мы сейчас относим к направлениям неклассической модели исторической науки (историческая антропология, социальная история, культурная история и др.), т.е. область научного исторического знания, предполагающую особый ракурс рассмотрения исторической реальности². Позволю себе предположить, что говоря о направлениях, он имел в виду сосуществование особых способов историописания.

Такое предположение позволяет обратить внимание на соотношение уже не способов изучения истории, а типов исторического знания: научного и социально ориентированного. В последнее время в рамках Научно-педагогической школы источниковедения нам с М.Ф. Румянцевой доводилось неоднократно обращаться к этому вопросу. Поэтому коротко отмечу, что под социально ориентированной историей (которую не следует путать с т.н. популярной историей) мы понимаем практику конструирования прошлого, не базирующуюся на исторической науке, но особым образом востребующую ее фактологию и удовлетворяющую потребность социума в историческом знании. Целью социально ориентированной истории является поиск идентичности, как религиозной или конфессиональной, наднациональной, национальной, так и региональной или местной. Она возникла ранее самой научной истории и стала для нее «другой» в процессе формирования исторической науки.

Ставя задачу исследовать рефлексии «скептиков» и их оппонентов об изучении прошлого, я обращаюсь не к конструкциям русской истории, критикуемым «скептической школой», не к защите отдельных сюжетов этой истории ее противниками (о чем уже много написано), а к самому дискурсу историков, в попытке понять не частности спора, а принципиальные претензии, предъявляемые друг к другу, обратить внимание на целеполагание историописания, явно или неявно демонстрируемого оппонентами, что в итоге позволит выявить *форму дискуссии* историков.

Чтобы решить исследовательскую задачу последовательно обратим внимание на: 1) научные принципы достоверности историописания, выдвинутые М.Т. Каченовским; 2) критику «скептиков» представителями социально ориентированного типа историописания; 3) научный и социально ориентированный типы историописания в структуре исторического знания первой половины XIX в.; 4) возможность перехода от *непонимания* в иерархической структуре исторического знания к признанию культурных связей разных его типов.

² Румянцева. Вспомогательные исторические дисциплины...

М.Т. Каченовский: научные принципы достоверности историописания

Одним из тех, кто в первой половине XIX в. стал принципиально отстаивать формирующиеся правила научного исторического исследования, был М.Т. Каченовский (ставший затем лидером т.н. «скептической школы» в русской историографии). Научную строгость и критический подход к источникам Каченовский вынужден был защищать от сугубо социальной потребности в истории в полемике вокруг труда А.Л. Шлёцера «Нестор», издававшегося с 1809 г. на русском языке³. Строгость Шлёцера к предшествующим русским историческим опытам и логически выстроенная критика разбираемых списков древнерусских летописей вызвали отпор со стороны писателей, смотревших на историю иначе – как на занимательную повесть о героическом прошлом, в первую очередь, – прошлом своих предков. В работе «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке», относящейся к такому виду историографических источников как рецензия (но имеющая характер скрытой дискуссии) Каченовский старался отстоять авторитет знания, противопоставив его «народной гордости» (по его мнению, – невежеству), выражаемой идеей – «для нас русских ненадобна *особенная критика* [выделено автором – С.М.]». Конечно, отметил историк, «весьма приятно извинять свое *невежество* [выделено мной – С.М.] ненадобностью наук и утешительно выдумывать причины, для чего можно без них обойтись; но писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор <...>, а для читателей образованных». Каченовский искренне считал, что «лучшая критика все-таки будет уважаема от всех людей благомыслящих»⁴. Отстаивая строгие правила исторической работы, Каченовский подчеркивал: «Незнающие смеются над такой строгой разборчивостью и называют излишним педантизмом; но без нее, без сего труда можно ли ожидать достоверности от нашей истории?»⁵.

Рефлексия о принципе достоверности в истории позволила Каченовскому найти различие в целях самого процесса историописания, критическая история создается не для всех, а для понимающих специфику такой истории.

Защита работы А.Л. Шлёцера не означала, что М.Т. Каченовский и его коллеги старались во всем подражать источниковедческому подходу автора «Нестора» (которому не всегда удачно подражал Н.М. Карамзин,

³ См.: Шлёцер. 1809–1819.

⁴ Каченовский. 1811. № 18. С. 144-145, 148-149; № 19. С. 226, 230.

⁵ Там же. № 18. С. 131.

но более удачно М.П. Погодин). Восприняв критический подход Шлёцера, исследователи развивали его дальше (что вполне естественно) и делали выводы, противоречащие основной гипотезе известного ученого.

Как и многие другие, Каченовский не мог не проявить интерес к труду Н.М. Карамзина «История государства российского». Я позволю себе обратить внимание лишь на некоторые его замечания о труде известного историографа, которые помогут лучше понять другой его принцип, предъявляемый к научной исторической работе.

М.Т. Каченовский проявил интерес к наиболее концептуальному месту «Истории» Н.М. Карамзина – «Предисловию» (такой выбор не смогли понять некоторые его оппоненты). Именно здесь Каченовский обнаружил то, что ему показалось важным для критического разбора. Историк не согласился с тем, что в первой половине XIX в. пока только утверждалось, превращаясь в одну из характерных черт классической модели европейской исторической науки.

В статье, которую можно отнести к такому виду историографических источников, как материалы историографических дискуссий, Каченовский (обратившись к переводу на французский «Предисловия» к «Истории государства Российского») предположил, что «сия История [Карамзина], писанная в духе национальном и единственно для моих соотечественников, французам не понравится *русским своим характером* [выделено автором – С.М.], столь отличным от характера других наций»⁶. Что имел в виду критик? В «Истории государства Российского» есть мысль о различии национальных интересов к истории. У Карамзина читаем: «Согласимся, что деяния описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее <...>; однакож смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних»⁷. Явно выраженная линия на национализацию истории вызвала облаченную в иронию реакцию Каченовского: «Если это в самом деле так, то и *всякий не Русский* [здесь и далее выделено автором – С.М.] найдет их такими же <...> Сколько ни рассуждаю, никак не могу добиться, почему оные древние деяния для всякого не Русского вообще занимательнее»⁸.

Однако Каченовский намекнул на несогласие и с самой моделью государственной истории в таком социально ориентированном виде, в каком она начала утверждаться в Европе, в том числе стараниями Карамзи-

⁶ Каченовский. 1819. № 1. С. 119; Козлов. 1989; Казаков. 2013.

⁷ Карамзин. 1818. Т. 1. С. XII.

⁸ Каченовский. 1819. № 1. С. 124.

на. Критик выделил слова последнего о России, как об одном «из величайших государственных творений в мире», а более подробно остановился на другом замечании историографа. Для этого снова обратимся к «Истории государства Российского», где написано: «Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?»⁹ Каченовский не преминул на эти слова ответить, что, так как «мы не иноземцы, не имеем драгоценного права перекинуть несколько листов, пропустить скучное»¹⁰. Развивая эту тему в другой работе, он объяснил, что не против патриотизма как гражданской позиции¹¹, но не согласен с тем, чтобы патриотизм подменял собой позицию научную; как гражданин он уважает патриотизм Карамзина, но как читатель (в данном случае, – ученый-читатель) он ищет истину¹².

Реакция Каченовского на «Историю» Карамзина была обусловлена его отношением к нормам, которые позволяли исторической работе иметь большую научную строгость. Ограничение исторического исследования строго национальными рамками казалось ему неприемлемым, так как он был сторонником широкого сравнительного анализа исторических явлений. Сравнительный подход не позволял вырывать национальные истории по крайней мере из контекста, представленного историями других европейских народов, и вызывал симпатию у ряда его учеников.

Историко-критический метод, основанный на филологической критике текстов Б.Г. Нибура (история теперь рассматривается не просто скептически, но критически, с помощью исторической критики¹³) укрепил М.Т. Каченовского в выбранной научной позиции. «Шлёцер оказал нам великую услугу, обратив наше внимание на временники; но высшая критика сих временников начинается только в наше время [выделено автором – С.М.], – отмечал историк, увидевший в исследовательской практике Нибура то, чего не хватало у Шлёцера, не сумевшего подняться выше «низшей критики» источников¹⁴. Под критикой Каченовский теперь понимал не просто всестороннюю критику источ-

⁹ Карамзин. 1818. С. XVI.

¹⁰ Каченовский. 1819. № 4. С. 290-294.

¹¹ М.Т. Каченовский старался гражданскую позицию отстаивать в журналистской, а не научной деятельности, на что обратил внимание С.М. Соловьев (см.: Соловьев. 1855. С. 386-388).

¹² Каченовский. 1821. С. 37.

¹³ Niebuhr. 1875. Vol. I. P. 74-75.

¹⁴ Цит. по: Иконников. 1871. С. 36.

ников («низшая критика»), которую применял Шлёцер, но и «высшую критику» (критика исторических фактов). Неслучайно, вместе с его известным учеником С.М. Строевым они высказывали мысли о невозможности научной проверки так называемых «фактов» первых веков древнерусской истории, поскольку сообщения летописи, на основе которых они выстроены историками, включившими их в свои истории, «основаны на рассказах и преданиях». Следовательно, как писал С.М. Строев, «и древняя история наша основана на рассказах и предании! <...> не может быть подведена под строгую историческую истину»¹⁵.

Критика «скептиков» сторонниками социально ориентированной практики историописания

Многие историки не приняли критический настрой М.Т. Каченовского и «скептической школы». Выше я приводил пример реакции научного лидера «скептиков» на замечания защитников «невежества» (как о них думал Каченовский), высказанные в адрес Шлёцера. Однако авторами тех претензий были не историки, а представители определенной группы общества, защищавшие нужные им конструкции прошлого. Рассмотрим некоторые примеры т.н. «ученой критики» в адрес «скептиков».

Одним из защитников труда Карамзина выступал С.В. Руссов, который отреагировал на замечание Каченовского, что в России еще нет нормально написанной *критической* истории: «...Мы этому не поверим <...>, в “Истории государства Российского” мы имеем полную критически написанную историю <...>; российские историки <...> отвечать могут, что ими и паче в “Истории государства Российского” все вышеописанные требования исполнены столько ж, а во многом гораздо более, нежели во многих других европейских государствах»¹⁶.

В «скептиках», не без основания, увидели критиков, в лучшем случае занимающихся совершенно пустым делом, а в худшем – разрушителей «созидательной» роли истории, «открывавшей» европейским народам их прошлое. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «карамзинист» Руссов старался отстоять «полную критичность», а значит полную «научность», «Истории государства Российского» еще и потому, что сам был заинтересован в такой исследовательской практике, которую Каченовский не воспринимал как научную. Например, он искал в Европе территорию, откуда мог прийти Рюрик, и при этом ставил условие, чтобы там «говорили хотя немного по-славянски»¹⁷. Такой

¹⁵ Строев. 1835. С. 37-38.

¹⁶ Руссов. 1835. С. 2-3.

¹⁷ Руссов. 1827. С. 464.

поиск демонстрировал социальную ориентацию работы, имевшей целью поиск идентичности.

А.В. Старчевский увидел причину «неблагоденных нападков» на труд Карамзина в зависти критиков. Его удивила «выходка» Каченовского, которая заключалась в нападках, как он сам отметил: «на некоторые слова, выражения и места [выделено автором – С.М.] не “Истории государства Российского”, нет, а предисловия!»¹⁸.

П.Г. Буткова возмутило, что в «течении семи столетий никто не посягал на достоинство Несторова временника <...>; но теперь явились у нас писатели, которые смело говорят, что мы насчет летописи своей чрез-чур предубеждены и непростительно ошибаемся»¹⁹. Но наиболее последовательно старался отстоять достоверность сообщений летописей, а вместе с этим и достаточность шлёцеровских критических приемов (конца XVIII в.) М.П. Погодин. Отвечая «скептикам» (которых он назвал «легкомысленными писателями»), известный русский историк выстраивал из отбираемых им доказательств вполне логичные суждения против Каченовского и его сторонников, превратив свой публичный ответ в труд по форме чисто защитительный. Заступился он за ту национальную идентичность, которую историкам уже удалось к концу 1830-х гг. выстроить в российском национально-государственном нарративе. Поэтому защиту последнего он начал с того, над чем иронизировал критиковавший «Историю государства Российского» Каченовский. Погодин выделил «свою» (русскую) историю, из круга «других» историй, показывая, что первая как «все» быть не может, а только лучше, написав: «Русская история так счастлива [здесь и далее выделено мной – С.М.], что самые первые ее положения (покрытые в других историях мраком неизвестности или сомнительным светом, перемешанные с баснями до такой степени, что их разделить нельзя) засвидетельствованы иностранцами – современниками и очевидцами»²⁰.

Погодин и Каченовский с Строевым говорили на совершенно разных языках – они защищали разные типы историописаний и потому не понимали друг друга. По мнению Погодина, если «их» (зарубежные) истории и отличаются баснословием, но «наша» история, – нет, так как «наш» народ – *другой*. Он подчеркивал: «...все наши летописатели, даже до 16 века, отличаются добросовестностью и правдолюбием <...>, по характеру своего народа»²¹. Заканчивая свое сочинение, профессор истории

¹⁸ Старчевский. 1849. С. 270.

¹⁹ Бутков. 1840. С. 1.

²⁰ Погодин. 1839. С. 3.

²¹ Там же. С. 223.

прибег к дискурсивной практике, которая усиливала различия в типах исторического знания. На помощь национально-государственному нарративу он призвал не науку, а дух, – провозглашая вечную память летописцу Нестору: «<...> Провозгласим ему вечную память и будем молиться ему, чтоб он послал нам духа Русской истории...»²².

Защита складывающегося русского национально-государственного нарратива от «скептиков» вынуждала историков не просто балансировать на тонкой и проницаемой грани научного и социально ориентированного типов исторического знания, а приводила к полной утрате опоры в первом. Склонные более к эмпирике с суммами фактов, чем к крупным обобщениям, а тем более размышлениям о сути самой истории, П.Г. Бутков и М.П. Погодин выстраивали свою линию «обороны» против «скептиков» с помощью социально ориентированной истории. Неслучайно, Н.А. Иванов – носитель исторического сознания, которое считало возможным оценивать историков по патриотическим заслугам («нелегко вообразить себе, с какой опрометчивостью гёттингенский профессор [Шлёцер] упрекает просвещенного патриота [Татищева]», – писал он), выбирает сторону Буткова и Погодина²³.

Научный и социально ориентированный типы историописания в структуре исторического знания первой половины XIX в.

Профессионализация истории шла рука об руку с процессом конструирования национальных традиций, актуализированных интеллектуальным движением эпохи романтизма первой половины XIX в. По мнению С. Бергера, в это время по всей Европе наблюдается усиливающаяся симбиотическая связь письма истории и даже истории как университетской дисциплины с практикой строительства национальных тождеств. Этот сплав историк назвал «историографическим национализмом»²⁴. Такую связь как само собой разумеющееся воспринимали современники и именно в формате «научности» национально-государственного нарратива. Уже упоминавшийся выше А.В. Старчевский, защищавший труд Карамзина, говоря о его историографическом значении для первой четверти XIX в., подчеркивал: «Карамзин <...> трудясь *во имя науки* [здесь и далее выделено мной – С.М.], в то самое время хотел дать историческую опору новому русскому обществу; напомнить ему, что оно имеет свое прошедшее; *утвердить народность*»²⁵.

²² Там же. С. 229.

²³ Иванов. 1845. С. 28, 96.

²⁴ Berger. 2011. P. 19, 22, 37.

²⁵ Старчевский. 1849. С. 277.

Конечно, заинтересованность историков в конструировании национально-государственной истории, а затем и истории этнической принимала безусловные социально ориентированные черты, но не следует представлять конструирование национально-государственной истории практикой, ориентированной на реализацию лишь сугубо практической задачи, далекой от научности и не позволявшей говорить о так называемой «объективности». Нельзя не согласиться с утверждением современного историка К. Лоренца, считающего, что национальная история выполняла сугубо практическую функцию и «для большинства профессиональных историков <...> XIX и XX вв. эта практическая ориентация связана с созданием определенной идентификации с государством»²⁶. Однако о сугубо «практической» функции национально-государственного нарратива историки (и то, первоначально лишь отдельные) стали размышлять не ранее наступления кризиса классической модели европейской исторической науки. Напротив, рефлексия о ее «объективности» присутствовала в первой половине XIX в. В классической модели «научность» и «объективность» национально-государственной истории связывалась с последовательностью ее изложения и «истинностью» или, как указывал Н.Г. Устрялов, «верным изображением перемен»²⁷. Но сама модель национально-государственной истории (несмотря на «верное изображение») оказывалась социально ориентированной, так как каждый такой труд ставил целью поиск национальной идентичности. Таким образом, как нам уже приходилось отмечать, провозглашение объективности и научности национальной истории позволяло сделать государство и предметом, и объектом этой дисциплины²⁸.

В рамках историографической культуры первой половины XIX в. лишь единицы историков пробовали даже не противостоять общей тенденции (такой цели они не ставили), доминировавшей в историческом знании, а, рефлексировав о принципах научной истории, устранять из нее черты, которые казались им ненаучными.

При размышлении о структуре исторического знания того времени показательным выглядит пример позиции по отношению к «скептикам» Н.И. Надеждина. Приняв во внимание, что в современной Европе теперь каждый «народ хочет быть собой, живет своей, самобытной жизнью»²⁹, он сделал вывод, что и историческая наука в ее национальном

²⁶ Lorenz. 2008. P. 36.

²⁷ Устрялов. 1855. С. 405-408.

²⁸ Маловичко, Румянцева. 2011. С. 281-282.

²⁹ Надеждин. 1836. № 1. С. 5-60; № 2. С. 205-264.

варианте не может оставаться в стороне от социальной задачи формирования идентичности. Надеждин не отрицал важности исторической критики и «скептиков» в формировании научности в истории, но укорил их за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полу-свету» некоторых «фактов». Это не значит, что такие «факты» обязательно являются «истиной», более того, как он заметил, можно было первые века нашей истории «принести <...> в жертву критике, если бы дело шло только о притязании народного самолюбия на древность [выделено мной – С.М.]»³⁰. Но у русской истории есть, по мнению Надеждина, более высокая, чем строгая научность, цель – формирование нации.

Если Каченовский отстаивал принцип, что любое чувство, пусть даже и патриотическое, не должно подменять «беспристрастие историка»³¹, то Надеждин предложил иное. Свой выбор он мотивировал защитой национальных, но не научных интересов. Он указывал, что Россия некогда потеряла часть своей «кровной» территории (Украина, Белоруссия). «Узы кровного родства были разрушены». Ныне, с конца XVIII в. «народ российский почти весь соединился в одну семью. И ничего не может укрепить сильнее этого воссоединения, как ясная память древних веков нашей древности» [здесь и далее выделено мной – С.М.]. После чего Надеждин подчеркнул, – вот почему «эти века для нас бесценны»³².

Признав, что есть критическая история, посеявшая семена скептицизма по отношению к некоторым «фактам» первых веков древнерусской истории, Надеждин предпочел ту, в которой возможен «полу-свет» – историю социально ориентированную, но внешне выстраиваемую в форме научного (критического) типа историописания. Его выбор был связан с гражданской позицией, желанием иметь историю «русского единства» (великороссы, белорусы и малороссы), и это желание было ничем не хуже актуализируемой в то же самое время в немецкой историографии истории «немецкого единства». Достижению такой цели не способствовали идеи «скептиков», а значит, согласия с ними быть не могло.

В середине XIX в. модель национально-государственной истории приобретает все более респектабельные черты научности, что показывает многотомный труд С.М. Соловьева (издававшийся с 1851 г.), в котором автор, как о самом собой разумеющемся, писал: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...»³³.

³⁰ Надеждин. 1837. 130-131.

³¹ Каченовский. 1821. С. 37.

³² Надеждин. 1837. С. 116-117.

³³ Соловьев. 1896. Кн. 1. Т. 1. С. 1.

О «скептиках» вспоминали как об историках, привнесших новый научный взгляд в практику изучения исторических источников, но ошибавшихся из-за неверия в события древнерусской истории, поэтому, как писал П.Н. Милоков, Бутков и Погодин «опровергли все их построения»³⁴. Такая мысль присутствовала и в работах некоторых советских историков, считавших, что «положительный вклад “скептиков” в развитие науки был невелик. Реальное дело “скептиков” тонуло в их нигилизме по отношению к древнерусской истории»³⁵.

В заслугу М.Т. Каченовскому и «скептической школе» нередко ставили и ставят протест против национализма в русской истории³⁶, отстаивание научных принципов, «не считаясь с тем, соответствуют ли они политической конъюнктуре»³⁷. Выводы о протесте против национализма и политической конъюнктуры представляются мне несколько искусственными, уводящими из поля науки в общественную жизнь эпохи. В начале XXI в. К.Б. Умбрашко справедливо предложил вернуть «скептиков» в историю исторической науки³⁸. О науке пробовал рассуждать в 1871 г. В.С. Иконников, сделавший вывод, что «Каченовский явился перед нами защитником космополитизма в науке»³⁹. Вполне понятно, что историк имел в виду под словами «космополитизм в науке», ведь в то время в иерархической структуре исторического знания национальная история еще занимала доминирующее положение. Сегодня мы с большим основанием вправе говорить, что «космополитизм в науке» это «масло масляное», но дискурс Иконникова интересен тем, о чем сам историк не сказал, — его зависимостью от модели классической европейской историографии.

Представляется плодотворным изучение сосуществования двух типов исторического знания и, в частности, спора «скептиков» и их критиков (как формы взаимного непонимания) не только в рамках национальной историографии, но в контексте модели классической исторической науки. Важно, что такой путь уже был намечен тем же Иконниковым, но только в 1891 г., через двадцать лет после приведенного выше размышления. В «Опыте русской историографии» историк сумел поставить М.Т. Каченовского и «скептическую школу» в контекст научной практики европейской историографии первой половины XIX в. Рассматривая вопрос о принципах критического подхода Нибура, Иконников выделил главный

³⁴ Милоков. 1900. С. 196.

³⁵ Сахаров. 1978. С. 108-109.

³⁶ Милоков. 1895. С. 809; Он же. 1900. С. 196; Пустарников. 2003. С. 423.

³⁷ Шапиро. 1993. С. 372-373.

³⁸ Умбрашко. 2002.

³⁹ Иконников. 1871. С. 15.

из них – тот, который, по его мнению, состоял «не в том, чтобы доставить своим читателям художественное наслаждение и не в какой-либо практической цели, а в изыскании научной истины»⁴⁰. Историк обратил внимание на то, что идеи Нибура получили распространение не только в Германии, но и во Франции, Англии и России, везде встречая неприятие его исторического скептицизма. Иконников привел примеры такого неприятия из английской и русской историографии⁴¹. Перечислив основные возражения, высказанные некоторыми авторами против русской «скептической школы», он заключил: «Исторический скептицизм привел к известным положительным результатам. Современная историческая критика ведет свое начало от его представителей; а в исторической науке все более утверждается мнение, что история должна стремиться к тому, чтобы *стать точным знанием* [выделено мной – С.М.]...»⁴²

Можно предположить, что мнения Иконникова 1871 и 1891 гг. о «скептиках» демонстрируют происходившую трансформацию исторического знания. Последний вывод историка связан с ощущением кризиса классической модели исторической науки. Неслучайно, сразу после него Иконников привел претензии историков к традиционному содержанию «истории, как предмета» и требования исключения из нее массы политических фактов (поддерживающих линейную структуру государственной истории), которые следует заменить «явлениями исключительно культурного характера»⁴³, тем самым наделяя историю рядом черт, свойственных ее неклассической модели.

По мнению С. Бергера, в первой половине XIX в. историки критического направления оказались единственными, кто стал вести разговор о прошлом авторитетно, а значит профессионально. Но методологически изящно разоблачая многие исторические мифы, они способствовали созданию напряженности между историей (научной) и национальной мифологией⁴⁴. Таким образом, Иконников и Бергер указали на имевшийся определенный градус напряжения в европейской историографии, вызванный научной деятельностью представителей критической истории.

Однако именно Иконников еще в 1871 г. высказал мысль, которая приведена в самом начале статьи. По мнению киевского историка, в русской историографии первой половины XIX в. существовали «два направления: одни стояли за Нестора, другие против; одни поклонялись Карам-

⁴⁰ Иконников. 1891. С.15-16.

⁴¹ Там же. С. 17-19.

⁴² Там же. С. 25-25.

⁴³ Там же. С. 27-30.

⁴⁴ Berger. 2011. P. 26-27.

зину, другие склонялись на сторону Каченовского; одни еще не могли отделаться от Роллена [имеется в виду французский историк Ш. Роллен (1661–1741). – С.М.]; тогда как другие превозносили Нибура). Заканчивая свою мысль, Иконников отметил: «Но для нас не может быть сомнения на чьей стороне была истина...». На стороне «скептиков»⁴⁵.

От непонимания в иерархической структуре исторического знания к признанию культурных связей разных его типов

Возвращаясь к речи А.С. Лаппо-Данилевского, в которой он упомянул о двух «направлениях» в русской исторической науке, следует привести вывод Е.А. Ростовцева, отметившего, что направление Лаппо-Данилевского объективно «противостояло “художественной” (по выражению С.Н. Валка) школе С.Ф. Платонова»⁴⁶. На рубеже XIX–XX вв. происходил кризис классической модели исторической науки и, как отмечает С.П. Рамазанов, в русской историографии начала XX в. кризис характеризовался сменой теоретико-методологических течений, ведущую роль заняли представители неокантианства, стремившиеся «вывести историческую науку из пределов исключительно описательной дисциплины»⁴⁷. Одним из самых ярких представителей русской версии неокантианства⁴⁸ являлся Лаппо-Данилевский, который «отстаивал самоценность науки, резко разделяя объективно-научные и социально-политические интересы»⁴⁹.

Лаппо-Данилевский считал, что историческое знание должно быть строгой наукой и именно такой способ историописания он защищал от другого – «художественного» способа, который кроме научной мог преследовать еще и определенную социально-политическую цель. В данном случае я далек от мысли называть исследовательскую практику С.Ф. Платонова – социально ориентированной. «Направления», о которых говорил Лаппо-Данилевский корректнее будет назвать *разными способами* изучения прошлого. Но, думаю, не ошибусь, если отмечу, что диалог между его представителями был также затруднен взаимным непониманием.

Иную ситуацию с «направлениями» можно наблюдать в первой половине XIX в. Н.Л. Рубинштейн отмечал, что М.Т. Каченовский научное требование достоверности противопоставил другому подходу,

⁴⁵ Иконников. 1871. С. 66.

⁴⁶ Ростовцев. 2004. С. 143.

⁴⁷ Рамазанов. 2000. Ч. 2. С. 4.

⁴⁸ М.Ф. Румянцева считает, что более корректно феномен русского неокантианства, в отличие от немецкого (Баденская школа неокантианцев), называть русской версией неокантианства (см.: Румянцева. 2012. С. 130-141).

⁴⁹ Рамазанов. 1999. Ч. 1. С. 95-96.

характеризующемуся художественностью и морализующими задачами⁵⁰. «Художественность», замеченная Рубинштейном в первой половине XIX в. и отмечаемая следом за С.Н. Валком Е.А. Ростовцевым на рубеже XIX–XX вв., конечно, не схожие историографические явления, а лишь одна из черт способа историописания. Более того, понятие «художественный» по отношению к исследовательской практике выглядит абсолютно клишированным, но, как можно заметить, удобным дискурсивным шагом для противопоставления какой-либо «более передовой» – научной практике изучения истории. Например, А.Н. Пыпин заслугу Каченовского видел в научной критике, противостоявшей «художественности», подчеркнул: «У него не было ни увлечения риторикой, ни малейшего желанья раскрасить историю»⁵¹.

В историографической ситуации первой половины XIX в. можно наблюдать не отдельные способы историописания, а *два типа исторического знания*. Спор между ними вызвал рефлексию (не всегда явную) о сути самой истории и явился особой формой сосуществования разных типов историописания, характерной чертой которой стало – взаимное *непонимание*. Представители разных типов исторического знания перед историей ставили совершенно разные цели, поэтому в «иной» истории они видели «ненормальную» практику, которую следует исправить.

В XIX – начале XX века можно наблюдать не линейное развитие критической истории от Каченовского (через Соловьева) к Лаппо-Данилевскому, а актуализацию идей об истории, как науке, – более того, науке строгой. Я не случайно говорю «идей», так как эти идеи об истории как науке имели разные дисциплинарные и социокультурные основания. В первом случае рефлексия о научности истории приходится на период ее становления как дисциплины, а также поиска критериев научного исторического исследования, с одной стороны, и непонимания востребованности ненаучных форм социально ориентированного историописания, отвечавшего потребностям строительства национальных / государственных тождеств, с другой. Во втором случае (Лаппо-Данилевский) идея об истории как строгой науке актуализируется в период появления неклассической модели исторической науки, а вместе с ней постепенной утраты интереса профессиональных историков к национально-государственной истории и характеризуется еще большим отрывом научного исторического знания от общественного сознания и непонимания устаревающего, но имевшего многочисленных привер-

⁵⁰ Рубинштейн. 1941. С. 235.

⁵¹ Пыпин. 1906. С. 204.

женцев способа историописания, присущего классической модели исторической науки.

Возвращаясь к проблеме сосуществования разных типов исторического знания, надо вспомнить меткое замечание Р. Арона о том, что разные отношения к истории могут «исчезнуть не скорее, чем интересы, которым они отвечают, или жизненные позиции, которые они выражают»⁵². Разные типы историописания не исчезнут по крайней мере до той поры, пока будет существовать современное (порожденное европейской культурой) представление о научности. Одной из важнейших форм их сосуществования является взаимное непонимание. Его проявления наиболее заметны в период споров между представителями разных типов исторического знания, так как каждый из них признает «правильность» и / или «полезность» только своей истории. Социально ориентированный тип исторического знания близок общественному (с XX в. массовому) сознанию и выполняет иную, чем научная история, задачу, он откликается на актуальные и не всегда однозначные потребности в знании прошлого разных социальных групп, конструирует важные для той или иной ситуации места памяти. Поэтому исследовать и понять структуру исторического знания должна научная история. Последнее важно для современной исторической науки, утратившей, как отмечает К. Лоренц, уверенность в себе и своих дисциплинарных границах после эпохи постмодерна⁵³.

Однако такое понимание может обеспечить не позиция, стремящаяся к «исправлению» другого типа истории, а позиция *внеаходимости*, рефлексия на метауровне науки и применение принципа «*признания чужой одушевленности*», обоснованного применительно к исторической науке А.С. Лаппо-Данилевским и актуализированного О.М. Медушевской и Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru. Его применение в предметном поле источниковедения историографии, с одной стороны, позволяет заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – помогает преодолеть линейность историографического процесса, дополняя ее коэкзистенциальными связями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р. Избранное : введение в философию истории М.: Издательство «Пер Сэ» ; СПб. : Университетская книга, 2000. 543 с.
- Бутков П.Г. Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. 537 с.

⁵² Арон. 2000. С. 494.

⁵³ Lorenz. 2011. P. 17.

- [Иванов Н.А.] Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках С. Петербургских и Московских : отрывок из пропедевтики русской истории, составленной ординарным профессором Казанского университета Николаем Ивановым. Казань : Унив. тип., 1845. 342 с.
- Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2 т., 4 кн. Киев, 1891–1908.
- Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. 110 с.
- Казиков Р.Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина: препринт WP19/2013/02; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 52 с.
- Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. СПб., 1818–1829.
- [Каченовский М.Т.] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 127-149; № 19. С. 211-231.
- [Каченовский М.Т.] О беспристрастности историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных писателей // Вестник Европы. 1821. Ч. 116. С. 35-44.
- [Каченовский М.Т.] От киевского жителя к его другу (Письмо II) // Вестник Европы. 1819. Ч. 103. № 1. С. 117-132, 198-208, 289-298.
- Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. 224 с.
- Маловичко С.И., М.Ф. Румянцева. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве : приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 274-290.
- Милюков П.Н. Каченовский (Михаил Трофимович) // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XIVа: Карданахи-Керо. С. 809.
- Милюков П.Н. Скептическая школа в русской историографии // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. XXX: Сим-Слюзка. С. 196.
- Надеждин Н.И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5-60; № 2. С. 205-264.
- Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 93-136.
- Погодин М.П. Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М.: Унив. тип., 1839. 231 с.
- Пустарников В.Ф. Университетская философия в России: идеи, персоналии, основные центры. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 919 с.
- Пытин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906. 581 с.
- Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999–2000.
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 659 с.
- Румянцева М.Ф. Вспомогательные исторические дисциплины в системе субдисциплин современной исторической науки: приглашение к дискуссии // Источниковедение.ru: страница Науч.-пед. школы источниковедения. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126>, свободный.
- Румянцева М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.

- [Руссов С.В.] Опыт о кожаных деньгах. СПб., 1835. 103 с.
- Руссов С.В. Письмо о россиянах, бывших некогда вне нынешней нашей России I // Отечественные записки. 1827. Т. 30. № 86. С. 463-488.
- Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. 256 с.
- Соловьев С.М. Каченовский Михаил Трофимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. 1755-1855: в 2 ч. М., 1855. Ч. 1. С. 383-403.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн., 29 т. СПб., 1896.
- Старчевский А.В. Николай Михайлович Карамзин. СПб., 1849. 304 с.
- [Строев С.М.] О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей, соч. С. Скромненко. СПб., 1834. 69 с.
- [Строев С.М.] О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей, соч. Сергея Скромненко. СПб., 1835. 44 с.
- Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половине XIX в.: автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2002. 47 с.
- Устрялов Н.[Г]. О системе прагматической русской истории // Русская история Н. Устрялова. Изд. 5-е, испр. и доп. ист. обозрением царствования государя императора Николая I: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 405-433. 1-е изд.: 1836.
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособ. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Культура, 1993. 761 с.
- Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером: в 3 ч. СПб., 1809–1819.
- Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800-1945 / ed. by S. Macintyre, J. Manguerra, A. Pók. P. 19-40.
- Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. N.Y., 2011. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / eds by A. Schneider, D. Woolf. P. 13-35.
- Lorenz C. Drawing the Line: «Scientific» History between Myth-making and Myth-breaking // Narrating the Nation: Representations in History, Media and the Arts / ed. by S. Berger, L. Eriksonas, A. Mycock. N.Y., 2008. P. 35-55.
- [Niebuhr B.G] Niebuhr's Lectures on Roman History : 3 vols. L., Piccadilly, 1875.

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Московского государственного областного гуманитарного института и кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; sergei.malovichko@gmail.com